

КАМЕРТОН

Светлана Лютова

Мой прадед, Герасим Иванович Суворов, был уроженцем с. Карпово Воскресенского уезда Московской губернии. Село это – на южной окраине старообрядческой Гуслицы, в нём издавна уживались вместе и староверы, и никонианцы. Однако для укрепления новой веры в конце XIX в. в селе был выстроен храм Михаила Архангела, как раз в той его части, что издавна называлась «Суворовский конец».

Старообрядцев Суворовых в Карпове было много, прадед был сыном карповского кузнеца Ивана Суворова и Устиньи Ивановны (родом из с. Катунина). К технике душа лежала у моего прадеда больше, чем к земле, как и у его предков. Получив каким-то образом техническое образование, Герасим, ещё до революции 1917 г., стал инженером, специалистом по турбинам, и в родном селе бывал редко, разъезжал по всей России. Семья его, однако, безвыездно жила в Карпове, в доме, что и теперь стоит в «Суворовском конце» села.

Рискуя навлечь на себя родительское проклятие, старую веру Герасим оставил из-за любви к моей прабабке, так гласит семейное предание. Первая на селе – сказочная! – красавица Анастасия Климова поставила жениху, как и положено в сказке, условие: или крестится Герасим в новую веру, или под венцом им вместе не бывать. Крестился! И свадьба состоялась – в той самой церкви Михаила Архангела, где только что крещён был сам Герасим, где будут крещены все его дети... За которую, в сущности, примет смерть сын Михаил.

Пятеро сыновей и две дочки родились у Герасима и Анастасии Суворовых. Михаил появился на свет первым, в 1904 году. Последней, только что старший из её братьев женился, – моя бабушка Мария. Анастасии Алексеевне уж было за сорок, и с мужем у неё в то время размолвка вышла... Беспокоилась она, как на старости лет ещё одного ребёнка растить! И Михаил тогда сказал будто бы: «Ничего! Мне будет как дочь, если что, – выращу!». Но вскоре с отцом семейства помирились, и в честь рождения моей бабушки в 1922 г. Герасим сам, вспомнив отцовское ремесло, выковал огромное ведро для общественного, «суворовского», как его называли, колодца. Ведро подвесили на толстую цепь к «журавлю», что перекинулся через развилку столетней ивы. Бабушка, старушкой, отправилась уже в мир иной, а ведро в канун XXI века всё ещё служило сельчанам.

Староверы Суворовы Герасима за отступничество не прокляли, но снохе её «религиозного рвения» не простили. Свекровь с невесткой, живя под одной крышей, всю жизнь были из-за этого на ножах. Один из семейных мифов повествует о том, как, переселяясь в новый дом (в 1918-м году! и дом по сию пору цел), женщины повздорили, стоя на пороге, кому из них первой входить. И пока мать с бабушкой препирались, младший из мальчишек шмыгнул мимо них в сени. Несчастье не заставило себя долго ждать: он первым из семьи умер, освятив новостройку, по мрачной примете, своей кончиной. Анастасии же пришлось пережить потом ещё не одну смерть взрослых своих детей.

Герасим не хотел, чтобы его потомки крутили быкам хвосты, настаивал, чтобы дети перебирались в город, поэтому, когда и моя 10-летняя бабушка после смерти отца подалась в Москву к братьям – учиться в московской школе, в Карпове остался один только старший Суворов, первенец Герасима Михаил.

Случилось так, что именно ему пришлось расплачиваться за материнский девичий каприз, за отцовское, по страстной любви к невесте, крещение в «новую веру».

Всё, что досталось мне в наследство от прадеда Герасима Ивановича, – это музыкальная шкатулка, подаренная им когда-то своей любимице, моей бабушке. А в шкатулке, мурлычущей пару мелодий, – металлический, чёрный, на станке выточенный... камертон. «Двоеверный» этот, затейливый, камертон – как заповедь мне от никогда не виданного двоюродного деда: «Во что верить? – вопрошает герой В. Шукшина. – Верь в Жизнь».

Посреди рукоятки – отверстие с резьбой, привинтишь рукоятку поперёк – получится штопор, привинтишь её вдоль – винт штопора скроется в неё, как в ножны, и снова выйдет обычное «орудие труда» сельского регента. Этот камертон-трансформер, навевающий милые ассоциации в диапазоне от Брэвского кюре из романа «Кола Брюньон» Р. Роллана до попа из «Верую!» В. Шукшина, принадлежал как раз моему двоюродному деду Михаилу Герасимовичу Суворову. Необыкновенно музыкальный от природы и не пожелавший променять Гуслицкую окраину на Москву, он руководил церковным хором в родном селе Карпове.

В 1937-м, видимо, за верность храму и православному песнопению мой двоюродный дедушка Михаил Суворов был арестован. В Великую Отечественную войну пошёл на фронт. И погиб, конечно. Едва ему тогда исполнилось сорок. Кто помнил об этом? Один его сын Евгений, живущий теперь в Коломне. Вот всё, что я знала о старшем из пяти бабушкиных братьев.

Но недавно, разыскивая в Интернете сведения о карповской церкви Михаила Архангела (маленькая, весёлая, светлая, она оставалась действующей во все годы советской власти, в ней был крещён и мой отец), я

набрела на историю ныне причисленного к лику святых «подельника» моего деда Суворова, с которым тот, конечно же, и пил, и пел... и сел вместе.

Настоятелем карповского храма был священник Андрей Владимирович Вознесенский (служивший, между прочим, до того в церкви Живоначальной Троицы на Воробьёвых горах). Как ранее и его 80-летний отец, тоже священник, протоиерей Андрей был арестован 7 октября 1937 г. «за агитацию против руководителей правительства и колхозов». Мужественный человек, он отрицал все обвинения и никого не оговорил. 31 октября 1937 г., по приговору «тройки», был расстрелян.

В 2000 г. РПЦ объявила 31 октября Днём памяти канонизированного ею священномученика Андрея Воскресенского. А в сентябре 2006 года в карповской церкви Михаила Архангела была освящена и водружена на место перед алтарём икона в честь бывшего настоятеля храма отца Андрея.

Михаил Герасимович Суворов, сын гуслицкого выкреста-старообрядца и благочестивой юной прихожанки, мирянин, принявший тот же крест, что и новомученик Андрей, святым не стал. Но в рай попасть был должен – как солдат, погибший в бою, вот уж поистине – «за Родину, за веру».

В Объединённой базе данных «Мемориал» (www.obd-memorial.ru), выложенной, наконец, в Интернет Министерством обороны, я отыскала следующие сведения о покойном двоюродном деде:

Суворов Михаил Герасимович
(1904–1945)

родился в селе Карпове Воскресенского р-на Московской обл.,
жена – Анна Ивановна, проживает там же, в Карпове.

Был призван на фронт в 1943 г. Актюбинским ГВК [в Актюбинске
отбывал срок?],

Последнее место службы в чине сержанта, командира отделения, – 31
СД, беспартийный.

Убит 29.01.1945 г. Тогда же похоронен. Место захоронения [видимо, в братской могиле]:

Германия, В. Силезия, с. Васернбурн, Вос. окр. выход. дорог.

Что это теперь за село? В Польше оно? В Чехии? Не было ли то захоронение при «укрупнении» перенесено, как случилось со многими?

И нужны ли кому-то теперь ответы на эти вопросы?

Ещё один из братьев моей бабушки, Никита, если не путаю, погиб на войне. Но его я в базе данных не нашла.

Последним из рода, кто вырос в карповском доме Суворовых, был мой отец, Лютов Николай. Первое детское воспоминание его – о диве, редко кому такое выпадет на долю: залетела шаровая молния в избу, в тот самый некогда многолюдный, но опустевший суворовский дом, где «старый да малый» вдвоём коротали ненастный день, внучок да «бабуся седенькая» (так звали теперь Анастасию).

Потрескивая, пламенный «апельсин» задумчиво скользил вдоль стен, пока старуха, распахнувши двери, окна и боясь уже пошевелиться, мелко открещивалась: «Свят-свят-свят!». Он вылетел вдруг, чиркнув по тёсаному бревну полосой ожога – на вечную память.